

УДК 398

ФУНКЦИИ МОТИВА ПОЧИТАНИЯ КАМНЯ В ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Ф. А. Алиева

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье рассматриваются особенности и характер содержания мотива почитания камня в обрядах, мифологических рассказах, преданиях, легендах и сказках – от воплощения в нем древнейших представлений до переосмысления его в эстетический и художественный план.

The article discusses the features and character of the contents of the motive of the veneration of stone in the rites, mythological stories, traditions, legends and fairy tales – from the embodiment in this motive the most ancient of ideas to rethinking it in the aesthetic and artistic plan.

Ключевые слова: культ камня; обряды; мифологические рассказы; предания; легенды; сказки; мотивы окаменения; эстетические функции.

Keywords: the cult of stone; rituals; mythological stories; traditions; legends; tales; motives of turning to stone; aesthetic functions.

Мотив почитания камня восходит к древним анимистическим представлениям. Л.Я. Штернберг так объяснял священные свойства камня в архаических представлениях древних людей: «Камень – одушевленное существо, потому что он часто проявляет акты самопроизводительности, рождает огонь, имеет подобие раковины, издает звуки, бросает тень. Камень, живущий испокон веков, должен знать решительно все» [1].

Мотив почитания камня широко распространен во многих жанрах фольклора – в мифологических рассказах, преданиях, легендах. Отражение данного мотива уже рассматривалось в специальных исследованиях. Так, М.Р. Халидова обстоятельно анализирует отголоски этого мотива в мифологических жанрах прозы [2], А.М. Черчиев рассматривает его ритуально-мифологическую семантику в волшебных сказках [3]. Вопросы культа камня освещались и в трудах этнографов, археологов [4–8]. В них подчеркивается, что в прошлом, в исторической действительности имели место реалии, связанные с культом камня.

В Дагестане широко известны поверья о священных горах и камнях. Камень и представления о нем как о символе играли важную роль во многих обрядах календарного, магического и других циклов, главной целью которых было магически воздействовать на возрождение природы и человека. Культ камня связывался с водой, плодородием, жизненным благополучием. Священному камню поклонялись, его обмазывали жиром, около него молились, к нему шли совершать жертвоприношения. Обряды вызывания дождя также связывали с культом камня. С.А. Азизов пишет: «В ряде селений Южного Дагестана во время вызывания дождя и солнца имели место общественные моления и жертвоприношения, которые совершались в почитаемых местах села – у священных деревьев, высоко в горах среди огромных камней, на берегу реки и т.д. Таким образом, в обрядах вызывания до-

ждя и солнца, помимо магии, отражены представления, связанные с культом камней, роц, рек, деревьев» [9, с. 72].

Даргинцы для вызывания дождя отсчитывали семьдесят тысяч камушков в местечке «Хулал къата», при этом каждый из участников обряда подносил камушки ко рту и, смочив их слюной, бросал в общую кучу. То же самое делали жители сел. Кища, Урхучи, Харбук, Усиша Дахадаевского района. Аштинцы, чтобы вызвать дождь, брали из речки камень и варили его, одновременно с этой же целью сжигали старый веник [10]. (Примечательно, что о варении камней говорится и в ряде дагестанских притч – у кумыков, лезгин, рутульцев. В одной из них рассказывается о женщине, которой нечем было кормить голодных детей. Она положила в кастрюлю камни и долго варила их, в надежде, что, не дождавшись «еды», дети уснут. На вопросы детей, когда же будет готова еда, она отвечала: «Потерпите, скоро сварится». В ожидании еды дети так и засыпали.)

Обряды вызывания дождя, связанные с камнями, описаны также Х. Юсуповым. Все жители сел. Усиша отправлялись на «святое место» («зияратла мер»), где собирали семь тысяч мелких камушков, делили их <на кучки> по сто штук и бросали в реку. По их представлениям, когда камни дойдут до моря, пойдет дождь. У харбукцев этот обряд назывался «заговаривание камушек»: брали две мерки камушек и, прочитав молитву, бросали их в родник. У уркарахцев собиралась группа женщин, которая приходила в местность ущелья Уржа, где лежал камень двухметровой высоты, женщины поднимали его, ставили вертикально и лили на него воду из кувшина, который затем разбивали на камне [11].

Обряд вызывания дождя с помощью камня бытовал и у других народов Дагестана – аварцев, лакцев, лезгин, табасаранцев, рутулов.

Интересно, что у кумыков Северной Кумыкии во время засухи женщины организовали «земире» (обряд вызывания дождя), а мужчины выходили к реке и читали молитву на камне, о камне («таш охумакъ»); молитвы связываются с камнем потому, что они имеют отношение к реке, к воде [12, с. 138].

Известно, что у лезгин большим почитанием пользовалась гора Шалбуз-даг. До сих пор об этой горе слагают легенды. Она считается священной, потому что когда-то якобы была местом пребывания сорока святых. На Шалбуз-даге находятся священные могилы. Часто их посещают верующие, а неверующие, по поверью, не могут туда пройти. По пути к этой горе, по верованиям, находятся два камня, и каждый, кто хочет попасть на святую гору, должен пройти между ними. Если грешный человек попытается пройти между камнями, то они сдвигаются, проход сужается и человек не может пройти, а если проходит верующий, он должен прочитать молитву, которая начинается и заканчивается формулой «Бисмилахи рагъмани рагъмим», имеющей магическое воздействие на духов, охраняющих проход, тогда камни раздвинутся и дадут ему дорогу [13].

Аналогичный священный камень находился и у аварцев в Цунтинском районе, недалеко от сел. Асах. При убое скота к камню приносили кусок мяса, а при сборе урожая – его часть. По поверьям, если за ним хорошо ухаживать, он принесет людям благо, станет им покровительствовать: якобы в него вселился дух божества, который может оказывать людям покровительство [цит. по: 14]. У лакцев таким почитаемым был камень, который находился у дороги, ведущей из Кумуха

в Цудахар. Каждый прохожий обязательно останавливался около него, произносил молитву, делал жертвоприношение, обмазывал его жиром.

У даргинцев (харбукцев) бытует предание о магическом свойстве камня-катка. В нем рассказывается, что когда последний житель Шандана (остаток городища, расположенного в трех км к югу сел. Харбук) переселился в Харбук, то каток самостоятельно прикатился к своему хозяину. Уверовав в его магическую силу, жители села стали поклоняться ему, были установлены правила пользования им при засухе. Харбукцы верили, что если покатить каток и при этом прочесть молитву, написанную на каменной плите, то пойдет дождь [15].

С отголосками представлений о священном камне связаны и многие мифологические рассказы, легенды и предания. В них эти понятия ассоциируются со священными горами, неприступными скалами, огромных размеров камнями. Они встречаются герою на его пути и очень часто играют положительную роль в его жизни: способствуют удаче, помогают освободиться от чьего-либо преследования. Иногда сила и мощь героев уподобляются неприступной скале, крепости, горам.

Интересен по содержанию бытующий у кубачинцев в нескольких вариантах мифологический рассказ «Окаменевшая Бяжук» [16, с. 142]. В одном из них рассказывается: женщина по имени Авшарай готовила квинегь*, вода в кастрюле выкипела, и она пошла с мучалом** к роднику за водой. По пути ей встретилась Бяжук***, которая спросила ее, есть ли у нее сушеное мясо. Испуганная женщина ответила, что нет, тогда Бяжук ей говорит: «Иди домой и жди, я принесу тебе сушеную барашку». От страха женщина быстро пошла домой, закрыла все двери и решила никому не открывать. Вдруг на крыше раздался крик Бяжук:

– Эй, Авшарай, открой дверь, я тебе принесла сушеное мясо.

Но женщина не открыла двери, притворившись спящей. Наутро она обнаружила прислоненную к двери тушу барана, а сама Бяжук вдруг превратилась в камень, замурованный в стену дома. Старожилы говорят, что этот камень и по сей день находится в стене этого дома.

Можно сказать, что мотив «окаменения» здесь выполняет противоречивые функции и имеет как бы двойственный характер. В окаменении Бяжук возможно выражен протест (в ответ на нежелание женщины открыть дверь) и вместе с тем переход в сверхъестественное состояние, т.е. приобщение к камню как к фетишу. Наряду с отголосками древних элементов в тексте присутствуют и реалистические детали: женщина изображена в быту, во время приготовления пищи и т.д.

Переосмысление прежних ритуально-мифологических функций мотива почитания камня можно проследить в ряде мифологических рассказов, преданий в аварском, рутульском фольклоре. Так, в рутульской легенде «Проклятие матери» [17] мотив окаменения звучит как кара, как наказание за непослушание. В ней рассказывается, что у одной женщины была дочь-белоручка. Она ничего по дому не делала, ничем матери не помогала, а была занята одними нарядами и прогулками. На

* *Квинегь* – ритуальная пища, приготовляемая из смеси злаков с сушеным мясом.

** *Мучал* – водоносный сосуд у кубачинцев.

*** *Бяжук* в фольклоре даргинцев соответствует Бабе-яге в русском фольклоре. Это фантастический персонаж, некогда олицетворявший темные силы природы, а со временем переосмыслившийся в отрицательный образ злой и коварной колдуньи, ведьмы и т.д.

все просьбы матери помочь ей по хозяйству дочь отвечала отказом. Разгневавшись на нее за непослушание, мать прокляла ее, пожелав ей превратиться в камень. Вскоре девушка вышла замуж. И в первую же брачную ночь она окаменела. В самый счастливый для нее день ее настигло проклятие матери. В другой рутульской легенде «О превращении в камень» [18] чабан, потерявший стадо баранов и обещавший нашедшему в награду тушу барана, но не выполнивший своего обещания, превратился в камень вместе со своим стадом. В лакском фольклоре также бытуют ряд преданий и легенд, основанных на мотиве окаменения. Одно из них – предание «Лагуцар» об окаменении мужа и жены [19].

В ряде мифологических рассказов, преданий мотив превращения в камень переосмысливается, наполняется новым содержанием. В сюжетах «Справедливые скалы» [20], «Могила Эдюгея» [21] камень способствует воплощению идеи справедливости, которая реализуется в конкретных человеческих поступках. В табасаранском предании «Могила Эдюгея» повествуется о том, что на могилу святого Эдюгея могут пройти только праведники, а грешников скалы не пропускают. Это уже относительно поздняя трактовка мотива превращения в камень. Можно сказать, что в этом сюжете присутствуют элементы, свидетельствующие о переосмыслении данного мотива, о его наполнении «условным» смыслом, то есть здесь прослеживается смешение архаических понятий культа камня и одновременно утрата им ритуально-мифологической основы, смысла, значения.

Мотив окаменения выполняет морально-этическую функцию и в известной у многих народов Дагестана (у аварцев, кумыков, лезгин, лакцев, табасаранцев) легенде «Каменный мальчик», основу которой составляет архаический мотив превращения в камень. Когда орды Аксак-Темира, изнывающие от жажды, потребовали от маленького пастушонка показать им источник воды, тот отказался и вместе со своими овцами превратился в камень [22, с. 323]. Окаменение здесь символизирует высокие патриотические чувства героя-мальчика, отказавшегося показать врагам дорогу к источнику воды.

С этим сюжетом перекликается и другое кумыкское предание об окаменевшей девушке, поясняющее образование горы «Эдильги-яр»: преследуемая качагами (разбойниками) девушка на коне в отчаянии бросается со скалы, решив, что лучше умереть, чем попасть в руки к качагам. Когда она была у самой скалы, раздался грохот, и на ней образовалась расщелина. Девушка вошла в нее и больше оттуда не выходила. С тех пор эта гора стала называться именем этой девушки – Эдильги-яр (яр – скала, обрыв) [22, с. 322].

А в табасаранском предании «Глухой камень» [23, с. 54] камень как бы выступает в роли защитника своего народа: когда на дагестанские земли напали хазары, братья-богатыри на границе с захваченными землями возвели каменные сооружения «Горной стены». Один из братьев, Таркул, вдруг увидел с гулом пролетающий над головой огромный камень. На вопрос каменотеса, куда он летит, камень человеческим голосом ответил, что надо скорее завершить оборонительную стену, чтобы помочь своему народу в борьбе с неприятелем. В предании камень наделен чудесными свойствами, он «разговаривает», стремится на помощь и т.д., то есть функции камня приближены к сказочной трактовке.

Мотив превращения в камень, окаменения встречается и в различных жанрах поэтического фольклора. Так, данный мотив занимает определяющее место в ряде балладных песен на любовную тематику. Одна из таких – даргинская «Горская песня» [24] с волнующим драматическим содержанием о любви девушки и парня: герой песни случайно убивает свою возлюбленную. Узнав в умирающей девушке свою любимую, парень покончил с собой, но перед этим произнес магическое заклинание, чтобы «мать превратилась в камень», чтобы «чабан, стороживший тысячу овец, высох», «чтобы тысячи овец превратились в камень». И его желание сразу же исполнилось: в тот же миг его мать, чабан, тысячи овец окаменели.

Закидывание камнями как возмездие, наказание, как выражение народного возмущения прослеживается в различных вариантах известного у табасаранцев предания «О семи братьях-нартах и предательнице-сестре». В одном из них (вариант Д.Э. Доногуева) присутствует эпизод, в котором место захоронения предательницы братьев – сестры слывет проклятым, и каждый прохожий считает своим долгом бросить камень на ее могилу. Так здесь образовалась небольшая горка камней. В другом варианте (вариант М.М. Курбанова) «Крепость семи братьев и сестры» также повествуется о том, как люди, выражая проклятие, закидывали камнями могилу девушки – предательницы братьев, расположенную вдоль дороги, при этом произносили: «Чтобы ты и богами и людьми была проклята» [25].

Функции и содержание мотива почитания камня в мифологических рассказах, преданиях и легендах, как отмечалось, со временем изменяются и наполняются новым смыслом. Они иллюстрируют тенденцию к ослаблению достоверности, к установке на вымысел, к большей свободе варьирования, что постепенно ведет к нарастанию в них эстетического содержания.

В сказочных жанрах художественный вымысел, выполняя жанрообразующую функцию, все более возрастает. Мотив почитания камня в сказке наполняется сказочной эстетикой, выработанной житейской мудростью и практическим опытом народа.

Почитание камня в сказках переосмысливается в поэтический прием превращения в камень (окаменения) и обретает эстетическую функцию, доминантность которой определяет устойчивую структуру сказки, особенности ее бытования, исполнения и художественной формы.

В сказках встречается несколько типов превращения в камень. Наиболее распространен такой тип окаменения, когда герой, не выполнив трудную задачу, окаменеет. Иногда герою запрещается поступать каким-то определенным образом, в противном случае он превратится в камень. В сказках чаще всего каменеют: а) жених, не сумевший выполнить трудную задачу, чтобы добиться руки красавицы; б) герой, который если не сумеет оживить окаменевшую девушку, то сам превращается в камень, в) герои могут окаменеть наполовину, часть туловища окаменеет, а другая часть остается живой. Нередко окаменению подвергаются целые города и жители, проживающие в нем. В сказках также могут окаменеть и злые, жестокие или жадные люди и т.д. Можно перечислить немало вариантов сказочных мотивировок превращения в камень, и в каждом случае данный мотив в структуре сказочного сюжета, наполняясь поэтическим смыслом, выполняет самые разнообразные функции.

Вот как реализован мотив превращения в камень в лезгинской сказке «Дочь царя Султана» [26]. Младшая дочь царя Султана, выполняя волю отца, заменяет ему отсутствующего сына и, переодевшись в юношу, отправляется на поиски невесты. Соседний царь предлагает ей в невесты свою дочь, но, чтобы добиться ее, он должен узнать тайну превращения в камень целого города. По пути к этому городу ее ожидали встречи с аждахой, который указал ей дорогу. Она увидела огромные стальные ворота... «Раздался грохот, словно разверзлась земля, загредел гром, словно заговорили небеса. Город задрожал, и створки ворот поднялись. Девушка сразу же направила коня в ворота, но не успела она проехать, как створки ворот опять опустились. Девушку отбросило внутрь, а коня рассекло на две части. Она очнулась и пошла по улицам мертвого города, который был подобен старому кладбищу. Ни единого звука не было слышно на улицах, люди и животные не двигались, они окаменели. В лавках продавцы и покупатели оставались в том же положении, в каком их застало колдовство...» [26].

И далее все последующие сюжетные перипетии разворачиваются в связи с этим основным стержневым мотивом окаменения. Переодетая в юношу девушка вступает в поединок с колдуньей, превратившей в камень весь город. Она и юношу грозит превратить в камень, но тот не уступает ей в борьбе, и после долгой схватки с ней заставляет ее оживить город. «Все вдруг наполнилось громом, будто палили из пушек, засверкали молнии, полились потоки воды, застучал град. Не прошло и двух минут, как город стал таким же цветущим, как и раньше...» [26].

Герой даргинской сказки «Шах-Аббас – мастер золотых дел» [27], отправившись в путь, чтобы узнать, что творится на белом свете, попадает в чужую страну, оказывается в темнице, где видит окаменевшие трупы людей, откуда-то изнутри доносятся стоны и крики о помощи. Вступив в борьбу с шахом той страны, Шах-Аббас побеждает его и оживляет всех окаменевших людей.

О чудесных свойствах камня повествует сюжет другой даргинской сказки «Волшебный камень» [28], основанный на вере в необычайные свойства камня, в его способность исцелять от слепоты. В ней рассказывается о том, как у одного слепого старика было трое сыновей. Как-то он увидел сон, что если один из его сыновей достанет волшебный камень с самой высокой горы, куда не ступала человеческая нога, и окунет его в серебряный ручей, протекающий у подножия горы, а затем приложит его к слепым глазам, то он прозреет.

Множество испытаний перенес младший сын старика, чтобы достать отцу исцеляющий камень. Он преодолел одну гору, вторую, третью, поборол аждаху с тремя, семью и девятью огнедышащими головами, попал в подземное царство, где увидел множество окостеневших трупов, которые с утра до обеда оживали, а после обеда к вечеру вновь становились мертвецами и т.д. Он все же достиг своей цели: добрался до вершины горы, достал тот волшебный камень, окунул в серебряный ручей и привез к своему отцу. И стоило только приложить этот камень к глазам старика, как он сразу прозрел и стал видеть все вокруг.

Камень в сказке не только возвращает зрение, но и приносит удачу и счастье самому юноше: поборов одного из аждахов, он освобождает из плена девушку, привозит ее с собой, а вместе с ней приобретает и много добра. Камень здесь символизирует исцеление, благополучие, удачу.

Своеобразны функции мотива волшебного камня и в аварской сказке «Анже-Манжи» [29]. В ней герой, узнав, что его нареченную выдают замуж за сына богача, и желая ее вернуть, отправился в аул, где она жила. В дороге он заночевал в пещере, а проснувшись, увидел перед собой пляшущих людей. Один из них держал в руках два камешка и, ударяя ими друг об друга, приговаривал: «Анже-Манжи». Удивился юноша и спросил, что это значит, тогда один из них пояснил, что они не люди, а белые джинны и камни эти волшебные. Если ударить ими и сказать «Анже», то все вокруг замрет, если сказать «Манжи» – снова начинает двигаться. Заполучив эти камешки, юноша добрался до своей невесты в самый день их свадьбы, проник в комнату к молодым, стукнул камешками друг об друга, и жених застыл на месте. И кто бы ни старался сдвинуть его с места, ни у кого ничего не получалось. Решив, что это колдовство, родители жениха и невесты в отчаянии обратились за помощью к шейху. Однако юноша своими волшебными камешками и шейха привел в неподвижное состояние. Люди обратились за помощью к колдунье, но и ее он смог остановить: по дороге, переходя речку, она в ней замерла. Так благодаря волшебным свойствам камня сказка получила сюжетное развитие, протяженность, обрела интригующий характер. В ней прослеживаются и наслоения различных эпох: отголоски мифологических верований, отразившиеся в образе демонологического персонажа – джинна, переплелись с социальными мотивами (действуют богачи, шейхи и т.д.).

В приведенных сказках вступает в действие не что иное, как фантастика, вымысел. Традиционно восходящий к древним мифологическим понятиям и представлениям, сказочный вымысел «обратился» в поэтическую условность, получил художественное развитие. Сказка создала поразительно живой, образный и интригующий мир. Развивая и творчески используя идущие от древних времен традиционные поверья, она превратила их в поэтические средства.

Формы окаменения в сказках, как отмечалось, многообразны. Они прослеживаются в мотивах неприступности скал, вершин, непроходимости лесов, пещер. Во многих сказках можно уловить прямую связь гор, горных вершин с лесами, пещерами, деревьями. Иногда стремление к конечной цели завершается достижением вершины горы, где герой находит искомое: чудодейственное лекарство, волшебное дерево, или родник с исцеляющей водой. Здесь уместны суждения В.П. Аникина, который подчеркивал следующую мысль: «Когда мифологические представления и понятия утратили свою силу, сказочники дали волю своему воображению. Они создали новые формы вымысла, по-новому соединили элементы предшествующего вымысла, привели их в систему, которая стала соответствовать назначению сказки как поэтического рассказа, воплощающего мечты, чаяния и ожидания народа» [30, с. 144]. Таким образом, мотив почитания камня играет немаловажную роль в поэтическом арсенале сказки, в сложении ее художественных средств.

Итак, как видим, содержание мотива почитания камня в процессе его бытования в различных жанрах фольклора выявляет эволюцию – от воплощения в нем древнейших архаических представлений о камне как фетише – до его переосмысления в художественный прием, выполняющий разнообразные функции в системе поэтических средств фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Штернберг Л Я.* Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. XVI+573+XI с.: ил.
2. *Халидова М.Р.* Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. 276 с.
3. *Черчиев А.М.* Мотив превращения в камень в дагестанской волшебной сказке и его ритуальная мифологическая семантика // Жанр сказки в фольклоре народов Дагестана. Махачкала, 1987. 163 с.
4. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки: историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 387 с.
5. *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев, Махачкала, 1967. 298 с.
6. Материальная культура аварцев / под ред. *М.М. Ихилова.* Махачкала, 1967. 304 с.
7. *Гаджиев Г.А.* Культ природы и обряды, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью у лезгин в прошлом // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана. Махачкала, 1977. С. 118–134.
8. *Агларов М.А.* Из верований народов Западного Дагестана (божество ЦЮб) // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала, 1989. 169 с.
9. *Азизов С.А.* Некоторые обряды аграрного цикла у народов Южного Дагестана в XIX – нач. XX вв. // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 72.
10. *Магомедова М.А.* Обряды вызывания дождя у даргинцев (XIX – нач. XX в.) // Там же. С. 89.
11. *Юсупов Х.Ю.* Обрядовая поэзия даргинцев : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 180 с.
12. *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. Махачкала, 2005. С. 138.
13. *Ганиева А.М.* Роль магических функций в обрядовой поэзии лезгин // Магическая поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1989. С. 30.
14. Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 280.
15. *Юсупов Х.Ю.* Указ. соч. С. 54.
16. Зап. нами в 1969 г. в сел. Кубачи Дахадаевского района от Б. Акаевой. Вариант опубл. в кн.: *Абакарова Ф.О.* Кубачинский фольклор: этнолокальные особенности. Махачкала, 1996. 264 с.
17. Зап. ст. науч. сотр. *ИЯЛИ Ф.М. Ибрагимова* в 1989 г. в сел. Рутул Рутульского района.
18. Зап. *Ф.М. Ибрагимова* там же.
19. Информация д.ф.н. *Х.М. Халилова.*
20. Проблемы мифологии и верований народов Дагестана : сб. ст. Махачкала, 1988. С. 160.
21. Табасаран в мифах, преданиях, легендах и притчах / сост., авт. предисл. и коммент. *М.М. Курбанов.* Махачкала, 2007. С. 34.
22. *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. С. 322–323.
23. Табасаран в мифах, преданиях, легендах, притчах... С. 54–55.
24. Эпические песни даргинцев / сост., предисл., подгот. текстов, пер., коммент. *Ф.О. Абакаровой.* Махачкала, 2004. С. 82–85.

25. *Курбанов М.М.* Эпические жанры табасаранского фольклора. Махачкала, 1995. С. 60.
26. Сказки народов Дагестана / сост. *Х.М. Халилов, М.-З.О. Османов.* Махачкала, 1989. С. 113.
27. Зап. нами в 1967 г. в сел. Кубачи Дахадаевского района от Б. Акаевой // Рукоп. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 305.
28. Зап. нами в 1989 г. в сел. Чяхдик Кайтагского района от С. Пашаевой.
29. Аварские народные сказки / сост. *Д.М. Атаев.* Махачкала, 1998. С. 27.
30. *Аникин В.П.* Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.

Поступила в редакцию 02.09.2016 г.

Принята к печати 30.09.2016 г.